

КРАСНОАРМЕЕЦ

225

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ

Июль — Сентябрь, № 40 — 41.

Деревня *).

1.
Ну скажите, когда же не было
Этих вышитых голодом глаз?
Он просил, но ни разу не требовал
И безрешетно в сумерках гас.

Он просил, но бессилили мускулы,
А кругом были только враги,
И любил он терпение тусклое
И тягучие песни пурги...

Примусолив нескладные волосы,
У ворот по глухим гечерам
Он любил надрывающим голосом
Подвывать заувыным ветрам.

Но и здесь нехватало воздуха
И рожденная песней тоска
Приводила к единому отдыху, —
К освещенным дверям кабака.

Уходил он неровной походкою,
Знал, проснувшись возропщит душа,
Но ведь чем, как не жгучею водкою
Было нудную боль заглушать...

2.

Жизнь дышала снами и отравами,
Но пришли другие времена
И деревню пальцами кровавыми
Растрепала пьяная война.

Ах, не те бы пастбища оспаривать,
Не по тем он целый век тужил,
Но зажглись непрощенные зарева
Над бесчисленными глыбами могил.

Не кончили долгому страданию
Покоряясь призрачной судьбе,
Он отдал детей на воспитание
Голоду в нетопленной избе.

Долго выли бабы за воротами,
Вдаль вперяли мутные глаза,
Где рыча над польскими болотами
Пронеслась черная гроза.

Жизнь бедела солнечными соками
Горьким стало снежное питье...
И крестились взмахами широкими,
Вспоминая мирное житье.

3.

О, сколько вымученных стонów
И позади и впереди! —
Итти сражаться без патронов
И без желания в груди...

На черных выветренных лицах
Все та же боль, все тот же страх.
Победы празднуют в столицах,
А не в окопах и в снегах.

Итти на бой, а алая память
Картины старые зажгла,
Как дети с грязью и слезами
Объедки лижут со стола.

Как в печке воет ветер звонко,
Пустым горшкам подводит счет,
Как истощенная буренка
Созому прелую жует.

Р/75533

О, чем же, чем же это сгладить,
 Какими взрывами стереть?..
 Дрожит в преображенном взгляде
 Пожаров зарева медь..

4.

А пока дипломаты всех стран
 Исправляли границы на картах,
 На Россию набросил аркан
 Свежий ветер мятежного Марта.

И повлек ее к солнцу, к весне,
 Закружил в вихревом ошьяненьи,
 И расплавленные на огне
 Разомкнулись метельные звенья...

Стал светлее и шире простор,
 Боль не жгла беспощадно и колко
 Эти дни, точно вымели сор
 Из души огневою метелкой...

И заискрились тысячи глаз,
 Приутихли крикливые беды,
 Но свалился, как камень, приказ:
 — Защищаться до полной победы.

Ах, не солнце ли вспенило страсть?
 Потянуло в родные равнины,
 И разбилась продажная власть
 О стальные мужицкие спины...

5.

В черных руках непогоды
 Будни тянулись опять
 Ждали земли и свободы,
 Велено сызнова ждать...

Ждать? И запрыгало пламя
 В мгlistую муть облаков,
 Черными рвали руками
 Горла стальных сундуков...

Кто так злорадно хохочет
 Где-то за гумнами в ночь,
 Кто по разбойному хочет
 Эту тоску превозмочь?..

Быкстся набатные вопли
 В настороженную тишь.
 Кто это: барин, холоп ли
 В лес прошмыгнул точномышь:

К чорту! Довольно отравы,
 Рвется больная душа

Вспахивать землю кровавой
 Ненавистью мятежа.

6.

Когда во рву глубоком
 Кончался праздник сов,
 Октябрь горящим оком
 Взглянул из-за лесов.

Задымленною бровью
 Повел на хлебный стол
 И брызнул свежей кровью
 На грязь глухих дорог.

О чем леса шумели:
 Что видели они—
 Таинственные ели,
 Загадочные пни?..

Что слышали дороги:
 Чем грезили луга?
 Кто недоступно строги
 Скакал там наугад?..

Забилось пламя в хлебе,
 Как кровь из-под ножа,
 А зарева на небе
 Пылают и дрожат...

7.

Там где-то пушки и винтовки
 Дробили старые века,
 А здесь страданья, как веревки
 Захлестывали мужика.

Там беспощадной диктатурой
 Взрывали мировой покой,
 Здесь за аршин мануфактуры
 Платили телом и душой...

Опять в избе горит лучина,
 Опять нужда глядит в глаза
 И жили с думою единой:
 — Не повернуть ли жизнь назад...

Но слишком много было взято
 От солнца света и тепла,
 Чтоб боль позорного возврата
 Сердца ожившие не жгла.

Кто захлебнулся мутью горькой,
 Тем был понятен зимний гром,
 Там вдаль уверенно и зорко
 Смотрел Московский Совнарком..

8.

Две жизни в холодной изосе
 Два сердца—родных и враждебных,

Одно закалилось в борьбе,
Другое прогнило в молебнах.

Одно и под снегом живет
И бьется так сильно и звонко,
Другое немое, как лед
Изглодано злой самогонкой...

В пропахший навозом уют
Сегодня стоглазое лезет,
И дети задорно поют
И «яблочко» и Марсельзэу.

Не знаешь, живешь или спишь,
Душа опьянена от света,
Читает с эстрады малыш
Стихи пролетарских поэтов.

А ветер в осевших снегах
Поет о просторе знакомом
И треплет развернутый флаг
Над Волостным Исполкомом.

9.

Все те же ветлы сучья клонят,
Но зимний день уже не тот,

Собачий лай в метельном звоне
Тоскою душу не зальет.

И пусть в глазах сухих и строгих
Еще не выветрилась муть,
Распятый на глухих дорогах
Ты солнечный увидел путь...

И пусть в избе заиндевелой
Услышишь ропот старика,
Ты не раскаешься, что сделал
Народный Дом из кабака.

Пусть хлеб замешан на соломе,
Пусть лапоть вместо сапога,
Но никогда уже не сломит
Твою настойчивость пурга.

И никогда в метельном звоне,
Среди овьюженных коряг,
Твои ладони не уронят
Завоеваний Октября.

1921.

В. Александровский.

Сумерки и рассвет.

1.

Лет двадцать тому назад в селе Дуроломове побил градом хлеб... Эта «Божья немилость» произошла пятнадцатого июля, в тот день, когда церковь празднует память мучеников Кирика и Улиты. В ознаменование столь бедственного события «православные христиане» села Дуроломова, по наущению попа, тогда же решили и постановили общим голосом «на вечные времена» праздновать в этот день, т.-е. ничего не делать, кроме того, как «поднимать» иконы, «херувы» (хоругви), носить их по полям и молебствовать...

Постановление это «свято и нерушимо» хранилось и хранится дуроломовскими «старичками» и по сие время...

С вечера накануне праздника церковный староста Авксентий Полуектыч Цыдилкин, по прозвищу «Куриный жеребчик», заядлый черносотенец и враг Советской власти, отправился к попу о. Прохору, затем, чтобы предупредить его относительно завтрашнего праздника.

Отца Прохора, такого же, как и он черносотенца, занимавшегося до революции больше «лошадиным делом» — барышничеством, чем служением богу, застал он, несмотря уже на позднее время, на огороде, снимавшего с капустных листьев червей...

— Благословите, батюшка, — сказал Цыдилкин, подходя к нему.

О. Прохор, огромного роста, одетый в белый засаленный балахон, подпоясанный какой-то цветной широкой покрывкой, сделал размашистое движение, благословил Цыдилкина и, сунув ему к губам свою как у «Минина Пожарского» ладонь, сказал:

— Во имя отца и сына и святого духа!.. С'ели вот проклятые черви всю капусту... жрут как волки падаль... и откуда только они, анафема прокляты, лезут — не понимаю!.. Ну, а ты, что скажешь хорошенького, Устин?..

Цыдилкин хорошо знал его привычку называть всех мужиков Устинами, а бабенок — Матрешками, обтер после поцелуя губы и каким-то особенным почтительным и заискивающим голосом сказал:

— К вашему преподобию, насчет тоись ка саемо завтрашнего молебствия по случаю градобития... как значит допреж было, не нами дураками, а старыми стариками установлено, так и нонче желательно нам помоллебствовать, иконы поднять...

— Доброе дело, — сказал поп, — доброе дело... Я ведь и сам знаю, не забыл... это вы хорошо удумали... Доброе дело, — повторил он и добавил, — ну, садись, давай покурим!.. табак-то есть?..

— Не занимаюсь, батюшка, я этим делом, — почтительно улыбаясь сказал Цыдилкин, — грех!..

— Ну, грех! Какой тут грех, — отходя от гряды и присаживаясь под яблоней на бугорке, сказал поп. — Грех отца духовного с корбить, ко храму святому непочтение иметь — вот это грех, а это пустое дело, дым и больше ничего! Дорог только он нонче... приступу нет...

— Все дорого, — сказал Цыдилкин.

— А все товарищи довели! — подхватил поп, — коммуния-то эта, будь она проклята!.. Всю Россию ограбили... напустили жидовья... делают что им вздумается... Иконы вон из училища выкидывать декрет выпустили... до мощей, сволочи, добрались...

— И говорить не остается: — воскликнул в тон ему Цыдилкин. — Доколе же это безобразие продолжаться будет? А?

О. Прохор свернул папироску, закурил, сплюнул и сказал:

— Доколе — не знаю, а только одно должен сказать: погибаем!.. жить стало невозможно!.. отнимают!.. грабят!.. преследуют! насмешки творят! глумление... тфу!.. а кто?..

Он замолчал и вопросительно уставился на Цыдилкина... Цыдилкин молчал, хлопая глазами.

— А кто? — воскликнул поп, — кто: — повторил он, — такие вот как твой сынок Мишка коммунист... вот кто!.. сволочь-то эта вся!.. голь-то!.. злая-то рота бывшая!.. Что ты его не уймешь?.. ты отец... ты должен внушать, учить... раз'яснять ему, болвану, что он в по-мойную яму попал... протух весь...

Слова попа ударили Цыдилкина по больному месту.

— Батюшка!—воскликнул он с каким-то даже визгом в голосе,—отец духовный, да коли он меня не слушает, а все по-своему делает!.. Я ему и так, я ему и сяк, а он все одно: «отжили вы свое... ничего не понимаете... другая теперь жизнь... папа»... Да какая, говорю, сукин ты сын, мошенник, другая-то, ваша-то?.. Вы-то что сделали, развратители? Спички вон, говорю, и те догнали тысячу целковых коробка... Хлеб насущный две тысячи фунт.. Дело это? А?.. Молчит... Сидит теперича в савдепи... в члены произведен... в ячейке в какой-то опять тоже в членах... Придет домой, начнет, заведет разговор—волос на голове шевелится!.. Убить мало! а ничего не поделаешь... слобода им дадена... вся власть ихняя... Верите, как перед истинным говорю, ночей не сплю через него... сохнуть стал, ей-Богу! А намедни говорит: «уйду на фронт добровольцем»... А кто же дома-то работать за тебя станет?—говорю ему,—рабочая пора!.. А он: «это важнее»... А коли убьют тебя, мошенника, тогда «важнее» будет?.. «Убьют, говорит, наплевать. Я свой долг исполню». Сволочь ты, говорю ему, умные-то вон люди товарищи-то твои бегут... дизир... дизиртирия, говорю, они, а ты выискился атк да такой с долгом-то своим!.. Да что, батюшка, говорить-то, говорить-то тошно... себя только тревожить, смерть мн с ним, мука-мученская! Хрест царь небесный послал на старости лет за грехи!..

Он помолчал, фыркнул несколько раз носом и опять продолжал:

— Я вот сюда, к вашему к преподобию пошел, касаемо молебствия, а он взял гармонию к ребятам наладил, а меня на смех поднял... говорит: «глупость ваша молебствие... трата время... Погода хорошая стоит, ведро, а вы, говорит, дураки старые, с хербами ходить будете... Стыдно, говорит, за вас»...

Попа от этих слов передернуло.

— Ишь ты, сволочь, философ без волос!—злбно воскликнул он.—Начитался... нанюхался... Язва он у тебя... Много он зда делает... И, чорт его, прости господи, знает, откуда это у него?!

— Вот и я это же самое толкую—аткеда?!—тоскливо вымолвил Цыдилкин.

Оба они замолчали. Поп докурил папироску и заплевав бросил ее. Цыдилкин вздохнул и опять заговорил:

— Наказанье мне с ним, истинный Христос!.. Уж я по-всячески пробо ал... и лаской хотел и по-всячески—ничего не выходит!.. За стол сядет—лба не перекрестит!.. пожрет—то же

самое! Я ему как-то, не стерпя сердца, сказал: что ты это, говорю, поел, а лба не перекрестил?.. а он мне с ядовитой с усмешкой: «Позабыл, знать»... Этого забывать, говорю, нельзя. Пить, есть не забываешь, а кто дает пищу, того, хозяина-то и забыл поблагодарить... Нехорошо это... неучтиво... ты грамотный человек... книжки, ведомости читаешь, себя образуешь... Без воли господней, помни мои слова, волос с головы не упадет!.. Сидит... слушает... ничего на это не говорит, ухмыляется только, зубы скалит... а я ему опять продолжаю, скрепя сердце, нонче ведь промежду вас, молодых-то вот, нынешних, что пошло?.. Что за люди стали... Умнее, высокоумнее себя никого не считаете... Я не в осуждение говорю тебе, а правду говорю. Мы так не жили, а век прожили, дай Бог всякому так прожить... Гляжу я все на вас и дивлюсь и не пойму никак, что такое стало? Отрешились ото всего. В храм в господний не ходят, постов знать не знают, ни к причастью, ни на дух к священнику на аркане не затащишь... гадет касаемо браку «пустое, говорят, дело»... Не признают ничего... Молчит, не пукнет... а я опять: иконы, говорю, святые досками называете... мощи все раскрыли... осквернили погаными руками. Дураками вас назвать нельзя, говорю, а есть что-то... попорчен шарик... несообразные поступки... не по-людски... не по-нашему... Душу, говорю, сквернишь, а ее спасать надоть всячески... а он смеется.

Цыдилкин замолчал, ожидая, что скажет поп, и облизнул пересохшие губы.

— Так, так,—произнес поп, ударяя поднятым хлыстиком по голенищу сапога.—Та-а-к... Ловки! Ах, сукины дети, забрали себе в башки-то в дурацкие!.. Ну да ведь и то сказать, не надолго... недолго им царствовать... полетит скоро вверх тормашками вся власть ихняя...

— Полетит?—переспросил Цыдилкин.

— Обязательно!..

— Дай-то, господи!

Он перекрестился и повторил:

— Дай-то, господи!

Оба опять замолчали... Кругом тоже было тихо... Солнце село уже давно и заря, предвещая на завтра хорошую погоду, как-то особенно мягко и ласково догорала на западе. Внизу

под горой видно было, как закурился похожий на дым туман... С гряд сильно пахло укропом и чувствовалось, как теплая, тихая ласковая ночь любовно и успокаивающе нежно надвигалась на землю.

— Да, брат Устин, дела! — поднимаясь с места сказал поп. — Дожили!.. Нажили себе, нечего-таки сказать, хороших товарищей... Ну, идем!..

Они обошли гряды и вышли в калитку к поповскому дому. Дом с палисадником под окнами стоял насупротив церкви на краю села, на горе...

От церкви вниз под гору спускался порядок крестьянских хат, стоявших по обоим сторонам дороги туда, на тот конец, где была общественная лавка «потребилровка», чайная и при ней недавно открытая молодежью небольшая библиотека... Там в свободное время по праздникам и по вечерам, около чайной, собиралась молодежь попеть, поиграть и вообще провести время... И теперь, как раз, когда поп с Цыдилкиным остановились у палисадника под окнами дома, оттуда с низу донеслись до ихнего слуха звуки гармоники и пение...

— Каждый вечер беснуются, — сказал поп, прислушиваясь. До свету покою от них нет, от окаянных!

— И уёму не найдешь нигде! — подхватил Цыдилкин. — Кабы попрежнему, сейчас бы урядника, слово одно и кончено!.. а теперича, прости господь, дьявол не уймет... Диви не знают, какой завтра день..

— А твой Мишка, паршивец — первый заводило, — спать заговорил поп, — все блохи в нем... И заметь: все мне на зло, на смех делает... Сюда придут, сядут вон там у паперти и орут до свету интернационал свой, будь он трижды проклят и с тем, кто его выдумал!.. Ишь, — прислушиваясь продолжал он, — сюда идут... Эка вольница проклятая!.. Отойдем от греха в палисадник...

II.

А в это время, пока они прятались, снизу из-под горы с лением и игрой на гармонье двигалась небольшая кучка молодых ребят, во главе с Цыдилкиным — с зном, Мишкой, и три девушки. Молодой Цыдилкин, высокий, красивый малый, шел впереди с гармоникой.

— Сволочь! — прошептал поп.

— Чего мы с ними церемонимся-то, — говорил молодой Цыдилкин, — гнать это зло надо и жалеть нечего... тьма от них... позорищ... стыд!.. Вырывать, товарищи, с корнем все это надо!.. Свету нам больше, а не эту мразь совершать на народные деньги... Стариков нечего слушать... они свое взяли... отжили... теперь наша жизнь... новая, молодая, светлая! так ли, товарищи?!

— Так, — раздались бодрые молодые голоса. — Все наше! Все! Жизнь отдадим за свободу!.. Умрем, а не отступим!!

— Песню, товарищи! — громко и как-то особенно вызывающе бодро крикнул молодой Цыдилкин, — начинай! Н-ну!..

«Мы — пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба.

Сильно, свободно, бодро запел он.

Коммунизм — наш: красное знамя,
И священный наш лозунг — борьба.
Против гадов, охрипших от воя,
Пожиравших все наши труды,
Для последнего страшного боя
Мы сомкнем трудовые ряды...

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть или победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!!

Подхватили молодые голоса припев, среди которых особенно выделялись голоса девушек, нежные, чистые и как-то особенно трогательные.

И песня и звуки гармоники далеко и отчетливо слышны в тихом, как будто бы задумчиво прислушивавшемся к этим звукам вечера.

— «Это будет последний и решительный бой!» — доносилось до ушей попа и Цыдилкина.

— Будет вам скоро последний и решительный бой, — злобно шептал поп, прячась за кустами. — Скоро дождетесь... Дождетесь! — повторил он, ломая в бессильной злобе попавшийся под руку сучок. — Переवेशают вас всех, как псов бешеных.

— Дай-то господи! — в тон ему прошептал Цыдилкин. Между тем, кучка молодежи приблизилась к палисаднику и остановилась здесь, прекратив пенье.

Поп и Цыдилкин замерли, слушая начавшийся между остановившимися разговор.

— Батяка мой здесь! — негромко сказал молодой Цыдилкин, — пришел насчет молебствия по поводу градобития. — Он замялся и потом продолжал: завтра сбьются воронье... закаркают... понесут попу контрибуцию... начнут дурака ломать, доски таскать, а покос стоит.

— Слышишь? — шепотком произнес поп, толкнув Цыдилкина локтем — Вот, анафема-то проклят!

Цыдилкин промычал что-то, чего нельзя было разобрать, и засопел носом.

— Надо бы нам, товарищи, как-нибудь кончать все это, — продолжал молодой Цыдилкин, — разъяснять нашим дуракомовцам на митингах, что за штука поп и какая от него польза...

Поп и Цыдилкин почувствовали как-то невольно и каждый по-своему, что их как будто бы окончательно пришиб кто-то и что они могут только прятаться, как совы от света, говорить потихоньку шепотком свои отжившие злобные речи, и что они *теперь* никому ненужные, и что ничего уже ничего они сделать не могут!!!

«Против общего злого вампира,
Против шайки попов и господ,
Встаньте все пролетарии мира,
Обездоленный черный народ!
Встаньте, рыцари нового строя!
Встаньте, дети великой нужды,
Для последнего страшного боя
Трудовые смыкайте ряды!»..

Неслось между тем в тихую чарующую красоту слышавшей эти звуки ночи..

Г. Подячев

Песня девушки.

По дороге капризной излучиной
Ты с мотыгой идешь босиком
Кудри песни звучей и звучной
Развились — обнялись с ветерком.

Ты поешь о простом, о бывалом.
Как любил — разлюбил ее он
В сарафане пурпурово-алом
За горою горит небосклон.

Зацелует возьмет, не упустит
Ветер вольный — любимец всех стран.
И тягучие щупальцы грусти
Не удержат твой радостный стан.

Всюду орызнули по полю знаки
От весенней багряной руки
Как красивы кровавые маки!
Как веселы весной васильки!

Так поли наливную пшеницу,
Разбросай по меже лебеду —
Пой победную песню, девица,
Песню сочную Солнцу-Труду.

Ненаглядный с позиции вернется.
В хоровод забредет на селе
Сердце девичье стрепет взовьется,
Будет песня еще веселей!

Н. Дорогойченко.

Бастилия.

реди города Парижа, на том самом месте, где ныне расстается широкая площадь¹⁾, на которой в праздничные дни, под сенью легкой колонны-памятника, скоморохи потешают гуляющую толпу, высился некогда (130 слишком лет тому назад) грозный королевский замок Бастилия.

Обнесенный высокими толстыми стенами о восьми башнях, окруженный глубоким рвом, он зиял впадинами своих бойниц и жерлами пушек на великий город. Проникнуть внутрь крепости можно было только по подъемным мостам.

Париж царил над всей Францией, а Бастилия царила над Парижем. Построена она была еще в четырнадцатом столетии и служила сначала убежищем для короля и знатных людей во время неприятельских нашествий и междоусобных войн. Но давно уже французские короли спокойно проживали под Парижем, в маленьком городке Версале, в роскоши, пирах и забавах, окруженные пышным двором из своих родственников и знатнейших вельмож королевства. Бастилия превратилась в государственную тюрьму, куда сажали тех, кто был недоволен существовавшим во Франции государственным порядком.

А порядок этот был таков. На ю всеми сидел самодержавный король, с гордостью называвший себя первым дворянином Франции. Он считался хозяином жизни и имущества своих подданных и господином над законами, а его именем правили государством чиновники, на притеснения которых не у кого было искать управы.

После короля первое место в королевстве принадлежало дворянам и духовенству, высшие чины которого набирались из «благородного» же сословия. Все государство находилось в руках дворян. Они занимали лучшие должности, им принадлежало огромное количество земли, на них работали крепостные крестьяне, отбывая барщину, оброки и другие повинности. Помещики и монастыри творили в своих имениях суд и расправу над крестьянами, под разными предлогами забирая в свои руки все,

что понравилось в крестьянском хозяйстве. Безотрадное положение французских крестьян того времени в таких словах описывает один английский путешественник: «Мне встречались какие-то одичалые животные, самцы и самки, рассеянные по деревням. Грязные, бледные, сожженные солнцем, они прикреплены к земле, которую царапают и копают с непобедимым упорством. Они озабочены чем-то в роде членораздельной речи и, когда они распрямляются, видишь, что это не животные, а люди. На ночь они укрываются в землянках, где живут, питаются плохим хлебом, водою и кореньями. Они избавляют других людей от труда пахать, сеять и собирать жизненные припасы и не заслужили даже права не нуждаться в хлебе, ими самими посеянном»

Податей дворяне и духовные не платили. Вся тяжесть государственных налогов лежала прежде всего на тех же крестьянах, а затем на так называемом третьем сословии, в котором числились все остальные подданные французского короля, начиная от промышленника и торговца и кончая городским ремесленником.

Верхний слой этого сословия, получивший впоследствии название буржуазии, состоял из представителей капитала и людей умственного труда: купцов, банкиров, фабрикантов, докторов, адвокатов, писателей. Благодаря своему богатству и образованности, буржуазия далеко не испытывала того гнета, какой тяготел над народом, но все же и она не была избавлена от чиновничьего произвола. И давно уже сильно не по душе ей было дворянское правление, и все больше и больше лелеяла буржуазия мысль: занять самой место у власти на ряду с дворянством, а то и вовсе спихнуть его.

Еще в 1764 г. знаменитый французский писатель Вольтер говорил: «Все, что я вижу, служит семенем революции: огонь все больше приближается, так что пылкая прозойдет при первом удобном толчке и тогда-то поднимется кутерьма. Счастлива молодежь: она увидит многое». И этот огонь прорвался, наконец, наружу.

В начале 1789 г. в различных местах Франции вспыхнули крестьянские восстания: народ отказывался ходить на барщину, отказывался платить помещикам оброки, и духовенству давать положенную «десятина» урожая. Там и

¹⁾ Площадь Согласия.

сям громили и поджигали дворянские имения, замки и монастыри. Восставшие требовали возвращения земель, отобранных некогда дворянами у крестьянских общин. Войска, посланные на усмирения, плохо помогали правительству. А тут была еще и другая беда: опустела государственная казна. Деньги ушли на содержание королевского двора, на жалованье и награды дворянству, на их разврат и безумную роскошь; на государстве лежал огромный долг, а займы никто больше не давал. Государство оказалось банкротом.

Утопающий хватается за соломинку. Так и французский король Людовик шестнадцатый решил прибегнуть к последнему средству: созвать народное собрание из представителей от всех сословий, чтобы они придумали какие-нибудь новые налоги и помогли ему выпутаться из беды. Местом съезда депутатов был назначен городок Версаль, чтобы оградить собрание от влияния бурно настроенной столицы, в особенности парижских рабочих.

Но как только открылось народное собрание (5 мая 1789 г.), депутаты третьего сословия и крестьянства решили, что так дело идти дальше не может, что надо ограничить власть короля и обуздать дворянство.

— «Банкротство монархии для нас клад!».

— «Или дворяне, или мы», — говорили буржуазные депутаты.

Но королю и дворянам и в мысли не приходило отказываться от самодержавной власти, при которой им так вольготно жилось. По-

этому при дворе решено было разогнать народное собрание, расправиться с бунтовщиками и обложить население новыми налогами. Стали стягивать к Парижу войска, чтобы помешать ему выступить на защиту собрания, с которым решено было покончить в ночь с 14 на 15 июля.

Но зорко следили за Версалем рабочие Парижа. Ведь и они страдали от произвола и насилий со стороны королевских чиновников, дворян и своих хозяев, и они ждали от собрания облегчения своей горькой участи.

Ранним утром 13 июля забил набат и десятки тысяч рабочих хлынули на улицу.

Ораторы в пламенных речах призывали народ:

— К Бастилии! к Бастилии!

Его подхватили тысячи голосов, и вооруженные толпы народа двинулись к ненавистному замку.

Старинная твердыня французского деспотизма, превратившись в тюрьму, в которой томилась борца за свободу, все еще продолжала оставаться и сильным военным оплотом, способным оказать долгое сопротивление. Но правительство сделало на этот раз большой промах: гарнизон Бастилии состоял всего из ста с небольшим человек, а главное, провианта в ней было только лишь на одни сутки.

Вокруг могучих стен крепости, обведенных рвом в несколько сажен глубиной, бушевал вооруженный народ и беспрерывно раздавались угрожающие крики:

— Надо взять Бастилию!

— Долой Бастилию!

Гарнизон стоял неподвижно за поднятыми мостами. На требование сдать

комендант крепости ответил молчанием. Тогда выступили двое смельчаков, — история сохранила их имена: сержант Эли и часовых дел мастер Гюлен. Они подобра-

Июльская колонна в Париже.

Рис. Н. Когоута.

лись к главному подъемному мосту и перерубили его цепи топором; мост упал на свое место, и толпа хлынула по нем к воротам крепости.

Страшный залп грянул со стороны осажденных; из бойниц открылся частый ружейный огонь. Многие были убиты и ранены. Народ отвечал оживленной стрельбой, не причиняя, однако, никакого вреда гарнизону, укрывавшемуся за стенами. Залп картечью окончательно очистил мост от нападающих. Но снова бросаются вперед Эли и Гюлен и бой закипает с новой силой.

Четыре часа длился безуспешный приступ, и земля пропиталась кровью. Наконец перед воротами Бастилии появились перешедшие на сторону народа — гвардейцы с пушками. Они поставили орудия на позицию и открыли по стенам крепости сильный огонь. Комендант отвечал тем же и опять много атакующих пали убитыми и ранеными. Однако мужество покинуло защитников, когда они увидели в рядах народа гвардейцев. Гарнизон потребовал у коменданта сдачи крепости. Тот, страшась ожидавшей его участи, рванулся было с фитилем в руках к пороховому погребу, но был арестован собственными солдатами. Гарнизон поднял на башне белый флаг, открыл ворота, опустил мосты. Народ ворвался в крепость. Дорогой ценой была куплена эта победа.

Когда Людовику доложили о взятии народом Бастилии, он воскликнул:

— Да ведь это бунт!

Докладчик — придворный, который был очевидно умнее своего повелителя, возразил:

— Нет, ваше величество, это не бунт, а революция.

Людовик так и репугался, что немедленно же приказал войскам отступить от Парижа и изъявил покорность народному собранию.

Как гул набата разносилась по Франции весть о взятии народом Бастилии. Всюду поднимались угнетенные и обездоленные против своих вековечных угнетателей — против помещиков, попов, чиновников, городских заправил, отказывались платить подати и королю; старые власти повсюду изгонялись и заменялись выборными; в городах вводилось народное ополчение (национальная гвардия). Еще сильнее запылали замки; крестьяне делили между собой поля, леса и угодья помещиков и монастырей. Все чаще и громче раздавался клич:

— Долой богатых! да здравствует равенство!

С великой тревогой прислушивалось версальское собрание к этим возгласам. По мере

того, как королевская власть становится все менее опасной, представители третьего сословия все более и более начинают бояться народа: своих «помощников-бунтовщиков». Собрание спешит заглушить разгорающуюся крестьянскую революцию. 4 августа оно отменило крепостное право, уничтожило деление граждан на сословия, а вместе с тем объявило собственность священной и ненарушимой.

Буржуазия удовлетворена. Она очень желает теперь жить в мире и согласии с королем, чтобы использовать его власть ради своих собственных выгод и барышей. И прошли еще годы кровавой революционной борьбы, прежде чем в самом деле исчезли во Франции последние признаки самодержавно-дворянского строя. Революция в своем развитии встретила ожесточенное сопротивление не только со стороны тех, кому был выгоден старый порядок, но также и тех, кто нажился после переворота и боялся, как бы нажитое не уплыло из рук.

Повинуясь требованию революционного народа, новая власть, состоявшая, главным образом, из представителей буржуазии, снесла с лица земли грозную когда-то Бастилию, провозгласила Францию республикой, отправила на эшафот короля Людовика, покорность которого народному собранию оказалась, конечно, фальшивой.

Но на тот же эшафот взошли и те, кто, всех упорнее добиваясь осуществления «высшей справедливости», учил: «не должно быть личной собственности на землю; земли не принадлежат никому; мы хотим, мы требуем общего пользования плодами земли: ее плоды принадлежат всем». (Бабёф и его единомышленники, казненные в 1797 году).

Совершив революционный кругооборот, буржуазия-победительница крепко ухватилась за власть, добытую руками крестьян и рабочих, и пожелала поставить над Францией своего царя (в лице Наполеона I); великие слова на революционных знаменах — «свобода, равенство, братство» — заменила императорским орлом.

Но не остановилось начатое во Франции в 1789 г. дело борьбы с самодержавно-помещичьим строем. Французские войска, защищавшие республику от монархов Европы, разносили его все дальше и дальше по соседним странам, вплоть до пределов России. Неограниченная власть монарха над своими подданными и власть помещика над своими крепостными всюду рушилась. В России царское правительство вынуждено было уничтожить кре-

постное право в 1861 г., но последние следы рабства исчезли у нас только в 1917 г.

Таким образом французские крестьяне, 133 года тому назад поднявшие великое вос-

стание за землю и волю, освободили крестьян всей Европы и приблизили торжество рабоче-крестьянской революции, совершившейся на наших глазах в России.

С. Басов-Верхоянцев.

На полюсах.

В практике международной классовой борьбы уже выработались как с той, так и с другой стороны определенные многократно проверенные методы.

Мы коснемся этих методов ниже, а теперь окинем беглым взором обстановку, создавшуюся на международной арене. На красном и белом полюсах идет решительная подготовка к решительному бою.

Об этом свидетельствует вся совокупность событий последнего времени с ее туманными завязками, трагическим содержанием и кровавыми концами. Серия богатейших картин мировой борьбы была развернута перед нами на всемирных конгрессах Коммунистического Интернационала и красных профсоюзов. Мы увидели и получили здесь не только материал описательный, но и глубочайший анализ мирового процесса, кой-где уже бьющего на волю жарким ключом, а в иных местах — протекающего скрыто в глубине. Мы увидели, что даже такие капиталистические колоссы, как Англия и Франция, не твердо стоят на ногах и полны знаменательной сумятицей — предвестницей грядущих больших событий. Вот что о разорении Англии говорил тов. Троцкий в своем докладе на конгрессе Коминтерна:

«Угольная промышленность, стержень английского народного хозяйства, за 7 лет войны понизилась на 20%, также упала и сталелитейная промышленность... общая внешняя торговля составляет лишь $\frac{1}{3}$ довоенного объема... Государственный долг Англии возрос более чем в 11 раз, а военный бюджет вырос одновременно в три раза...» Этот шаг назад в экономической жизни Англии приобретает для нее исключительное значение на фоне назревающего неизбежного столкновения с Америкой. Уже теперь заблаговременно

Англия объединяется с Японией, также как и Англия оттачивающей против Америки хищный империалистский нож. Июльский съезд представителей британских колоний, состоявшийся в Лондоне, прошел «молчаливо, под знаком грядущего столкновения между Британией и Соединенными Штатами Америки». («Изв. 28/6.»)

У нас на глазах идет бешеная гонка с вооружением и если еще не разыгралась новая бойня, о которой нам X партийный съезд вынес свою пророческую резолюцию, так единственно потому, что не все «бойцы» считают себя готовыми к схватке; в частности Соед. Штаты Америки только через 4 года соорудят такой военный и коммерческий флот, который окажется сильнее английского и японского, взятых вместе. Тогда и заварится каша.

П. Джордж все еще произносит торжественные и самоуверенные речи, но живая обстановка говорит против этих стойких речей. Как ни бледно закончилась грандиозная забастовка английских углекопов, но все же она показала нам, какими противоречиями раздирается Англия, как назревает великий конфликт, как миллионы рабочих страстно хотят, но все еще не могут выбиться из-под растлевающего влияния своих трэд-юнионов и кучки проажных вождей. Это последнее обстоятельство особенно четко подтвердилось в Брейтоне, на съезде рабочей партии, где большинством 4.114.000 против 124.000 было постановлено не допускать в свой состав британскую коммунистическую партию. Подтвердилось та истина, что в стенах трэд-юнионов английский рабочий становится врагом своего собственного дела. Здесь за этими стенами — героическая забастовочная борьба многих мил-

лионов углекопов, революционеров, рабочих, следующих своему классовому разуму и чутью. Мы подробно остановились на Англии, ибо она в центре Антантовской шайки. Ее судьба, ее положение и внутреннее состояние — лучший барометр для определения подлинной силы Антанты в целом.

Другой международный коршун, Франция, жадно упивается кровью, пронзает и рвет когтями побежденную, прижатую Германию. «Буржуазная Франция — паразит Европы», определил ее т. Троцкий, и дальше об ее состоянии дает следующие сведения:

«Франция держится только грабежом Германии и грабежом колоний, при чем Германия теряет вдвое больше, чем Франция получает от ее грабежа... Государственный долг Франции с 1913 года по 1921 возрос в 10 раз, а количество бумажных денег возросло более, чем в 7 раз. Нормальный ежегодный дефицит Франции составляет $5\frac{1}{2}$ миллиардов франков... Количество скота во Франции уменьшилось по сравнению с довоенным временем на 5 миллионов голов, количество пшеницы на 23 миллиона квинталов, количество угля пало на 16 милл. тонн... Стальное литье уменьшилось более, чем наполовину. Такова картина во Франции. Тов. Лорно в своей статье «Положение во Франции» («Правда», № 137) говорит: «Бесспорным является то, что во Франции, как и повсюду, а может быть даже сильнее, чем во многих других странах, — налицо кризис...» и не только дальше: «Распад существующего строя, явные признаки прогрессивного разрушения французского капитала налицо, хотя еще трудно пока предвидеть фазы этого разрушительного процесса»...

Другой товарищ, Вайян Кутюрье, делегат конгресса Коминтерна, в статье «Крестьянское движение во Франции» («Изм.» № 136) утверждает, что «...настоящий момент очень благоприятен для проникновения в среду крестьянства и для популяризации в нем идеи пролетарской диктатуры... Во время Турского съезда крестьянские секции партии

повсюду были настроены в пользу присоединения к Коммунистическому Интернационалу...» Оба автора далеки от увлечения иллюзиями и В. Кутюрье, например, говорит даже след. образом:

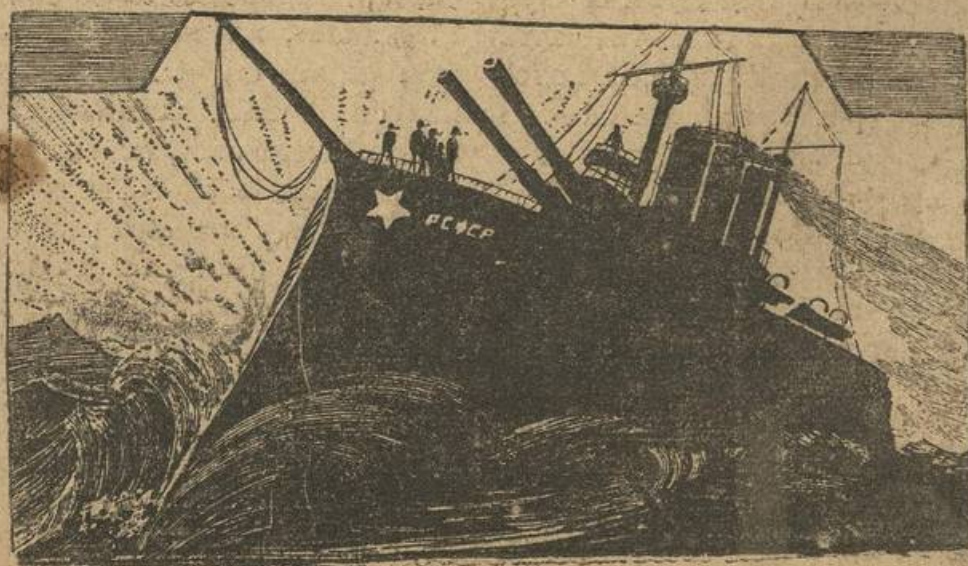
«Было бы нелепостью вывести заключение о массовом уклоне среднего крестьянства к коммунизму», а т. Лорно утверждает определенно, что «истинный смысл мировой войны, истинное значение победы — остались непонятными рабочему классу Франции... И всетаки объективный анализ убеждает нас в том, что быть может самое близкое будущее уже чревато для Франции немаловажными событиями.

Третий хищник Запада — Германия, попавшая в жадные лапы победителей, выносит еще более тягостный кризис.

«В 1907 году в Германии насчитывалось 11,3 миллиона работоспособных рабочих рук, в настоящее же время только 4,8 миллиона, т.е. лишь 42% довоенного времени. В сельском хозяйстве урожай в Германии с 15 миллионов тонн до войны приводит в 1916 г. к урожаю в 6,6, в 1920 году в 5,2 милл. тонн. Количество скота уменьшилось больше чем наполовину. Государственный долг Германии возрос до 250 миллиардов золотом. Количество бумажных денег возросло в Германии более чем в 16 раз... Национальное богатство Германии, исчислявшееся до войны в 225 миллиардов золотых марок, теперь исчисляется в 100... Германия теперь беднее, чем в середине 90 годов». («Изм.» № 136).

Достаточно этого краткого очерка внутреннего состояния трех крупнейших капиталистических гигантов, чтобы заключить о страшном обнищании целого мира: «человечество, говорит т. Троцкий, обеднело по сравнению с положением до войны... война уничтожила не

меньше 2 ловины всего национального имущества воевавших стран... урожай 20 года (в Европе) на 120 миллионов квинталов меньше довоенного урожая... Мировая добыча угля в 1920 году составляет лишь 76% 1913 года. Количество бумажных денег на мировом

рынке возросло более чем в 10 раз». (Речь т. Троцкого на Конгрессе Коминт.).

На войне наживались Америка и Япония. В той же речи т. Троцкий указывает, что и Америка превратилась чуть ли не в монопольную страну промышленного экспорта...

Угольная промышленность (ее) возросла более, чем на 10%, добыча нефти почти удвоилась..

Задолженность других капиталистических стран Соединенным Штатам составляет в настоящее время 18 миллиардов долларов и увеличивается ежегодно на 10 миллионов долларов. Америка, сосредоточив у себя половину мирового золота, непрерывно продолжает выкачивать со всего мира золотой поток...

Буржуазия, так растерявшаяся вначале, — за годы борьбы с рабочим классом — приобрела известный опыт и известную самоуверенность.

«Буржуазия сейчас чувствует себя если не сильнее, чем год тому назад то во всяком случае сильнее, чем в 1919 году... Буржуазия теперь поддается меньшей панике перед мировой опасностью коммунизма...» (там же).

В своем докладе «О тактике Р. К. П.» на Конгрессе Интернационала и тов. Ленин констатировал, что «в настоящий момент наступило некоторое равновесие сил, правда открыто стоящих друг против друга и готовых в любую минуту повести открытую борьбу...», а дальше он говорит, что «буржуазия сейчас во много раз сильнее нашей Республики и только своеобразная ситуация мешает ей вести против нас войну...» («Правда», № 148)

Укреплению буржуазии и росту ее самоуверенности особенно много помогли изменники делу рабочего класса и их всемирные объединения. «Главной поддержкой капитализма — говорит т. Ленин в своем докладе на Конгрессе Коминтерна — в высоко-развитых капиталистических странах как раз является та часть

рабочего класса, которая организована 2-м и 2½ Интернационалом.

«Международная буржуазия была бы абсолютно не в состоянии далее держаться, если бы она не имела контр-революционной поддержки со стороны этой части рабочего класса»...

А т. Зиновьев «Правда», № 147) по

поводу Желтого Интернационала Профсоюзов говорит:

«Амстердамский Интернационал это — игрушка в руках буржуазии, это комбинированный продукт профессиональной бюрократии и буржуазии, это бастион нового капитализма...»

Под прикрытием этих двух предательских международных объединений мировая буржуазия выработала и осуществляет на практике свои методы борьбы с интернациональным рабочим движением и в первую очередь с его цитаделью — Советской Россией.

Во-первых, она торопится с экономическим укреплением, завязывая ради этой цели с нами даже торговые отношения и думая таким образом встать крепко на ноги, обратив копые против нас: на этой затее просчитается она, а не мы.

Во-вторых, она бережно относится к желтым Интернационалам, держит их возле себя как цепных псов и при их помощи до сих пор справляется с революционным рабочим движением. Здесь достаточно опыта прошлогоднего итальянского и нынешнего мартовского движения в Германии.

В-третьих, она усиленно поддерживает и помогает организоваться белой эмиграции путем устройства всевозможных съездов (национальный съезд, съезд промышленников) и снабжения всяческой помощью, в первую очередь, конечно, денежной (вспомним признания В. Чернова о «больших субсидиях»).

«Эта контр-революционная эмиграция очень смела, — говорит т. Ленин в докладе «О тактике Р. К. П.», хорошо организована, имеет хороших стратегов, и поэтому наблюдение за тем, как она организуется, как использует всякую возможность, должно иметь большое пропагандистское значение для рабочего класса». При помощи этой же белой эмиграции мировая буржуазия сеет всяческие провокационные слухи, организует кронштадтские бунты и дальневосточные авантюры, создает «Зеленый Интернационал» собственников крестьян для противопоставления его рабочему Интернационалу... Словом, роль белой эмиграции оказывается значительно более крупной, чем это многие себе представляют.

Наконец не изжила еще мировая буржуазия и способа использования маленьких госу-

дарств, объединяя их ради заслона, в качестве буферов. Недавно («Изв.» 26 июня с/г.) мы получили сведения, что «Малая Антанга окончательно сконструировалась. В состав ее входят: Чехо-Словакия, Румыния, Юго-Славия и Польша...»

Старые, испытанные методы буржуазии все еще дают ей возможность держаться против натиска рабочего класса. Но чем далее, тем сильнее и грозней становится этот натиск.

У нас, — на другом, на Красном полюсе — только один метод: организация всемирного пролетариата.

Только что состоялись мировые красные съезды: коммунистического Интернационала, красных проф союзов, молодежи, женщин коммунисток. Мы видели здесь представителей десятков и десятков стран, мы видели здесь объединенными миллионы трудящихся, мы слышали из уст делегатов и убеждались на цифрах, как быстро идет вперед мировое пролетарское движение. Слегка перефразируя незабвенные слова, которыми Конгресс Интернационала почтил юбиляршу и старейшего рабочего вождя, Клару Цеткин — мы скажем:

«Революция идет полным ходом и уже скоро соберем мы жатву наших трудов — полное и

окончательное освобождение мирового пролетариата».

Закончим свою статью выдержкой из брошюры тов. Троцкого «Мировое положение и наши задачи»:

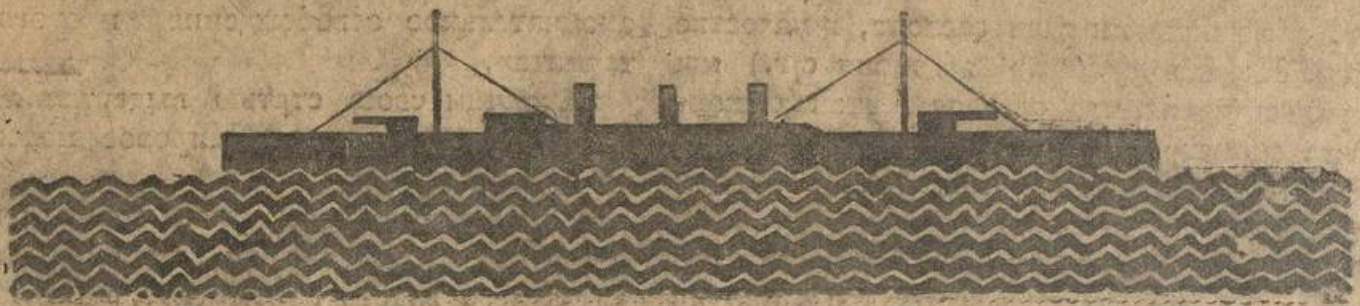
«Совершенно бесспорно, что в настоящее время открытая революционная борьба пролетариата за власть переживает в мировом масштабе заминку, замедление темпа.

Но и по самому существу дела нельзя было ждать, чтобы революционное наступление после войны, поскольку оно не привело сразу к победе, развивалось по непрерывно восходящей линии. Политическое развитие тоже имеет свои циклы, свои подъемы и понижения. Враг не остается пассивным, он борется. Если наступление пролетариата не увенчивается победой, — буржуазия при первой возможности переходит в контр-наступление. Утеря пролетариатом некоторых легко завоеванных позиций приводит к временной депрессии в его рядах.

Но остается бесспорным, что в переживаемую эпоху кривая капиталистического развития в общем идет — через временные подъемы — *вниз*; кривая революции — через все колебания идет *вверх*».

Дм. Фурманов

Июльские дни.

(1917 г. 3—5 VII 1921).

Российские фабриканты, заводчики и помещики, тесно связанные грабительскими интересами с западно-европейским капиталом, надеялись, что свержение царизма может им решительнее вести войну. Милюковы, Гучковы и присные усиленно кричали о разделе Австрии и захвате Константинополя и подготовляли почву для наступления на Западном фронте.

Трусливая мелкая буржуазия, все эти меньшевики и эс-эры, которые потом открыто перешли на сторону буржуазии и с оружием в руках топтали в крови свободу рабочих и крестьян, заседали в советах, говорили громкие фразы о мире, о международном братстве пролетариата и палец о палец не ударили, чтобы сколько-нибудь приблизить столь желанный мир.

Между тем экономический развал внутри страны увеличивался. Фабрики и заводы работали только на войну, транспорт приходил в состояние полной негодности, хлеб дорожал, деньги обесценивались, реформы в социальном строе не проводились, земля оставалась у помещиков, капиталисты бешено спекулировали... Недовольство пролетариата и крестьян все больше росло. Армия открыто роптала и отказывалась сражаться во имя интересов кучки отечественных и иностранных эксплуататоров.

В таких условиях «демократ» Керенский 18 июня повел армию в наступление и меньшевистско-эс-эровские советы оказали ему поддержку.

Последствия этого преступного шага не замедлили скоро сказаться.

Армия, не имевшая доверия к офицерам, измученная физически и духовно, убежденная в том, что ее подвиги и жертвы не нужны рабочему классу, должна была потерпеть поражение и была разгромлена.

Буржуазия предвидела возможность поражения и заранее выработала план использования его в своих целях.

Вместе со своими прихлебателями, меньшевиками Церетелли, Скобелевым, Даном и Гвоздевым, вместе с эс-эрами Керенским, Гоцем, Масловым и Лукавым Черновым, буржуазия набросилась на партию пролетариата — на большевиков, предупреждавших, что наступление преступно, что оно означает слепое и ненужное для демократии убийство десятков тысяч трудящихся.

Теперь большевиков стали обвинять в разложении армии, о *преднамеренном соглашении* с войсками германской монархии.

Понятно, что эта провокационная, грязная, лживая кампания только сильнее укрепляла доверие масс к большевикам и дискредитировала (подрывала веру) социал-предателей меньшевиков и эс-эров.

Понятно, что временное правительство стало революционным пролетариям и солдатам ненавистно и в городе переворота, в Красном Петрограде на всех заводах и фабриках, во всех казармах и лагерях выросла мысль о переходе власти к Советам.

От 18 июня был только один шаг к 3—5 июля.

Толчком к июльским событиям послужил кризис власти. Хитроумные кадеты расчетливо закончили свою игру саботажа в тот самый момент, когда Керенский проиграл наступление. Они вышли из правительства, оставив соглашателей расхлебывать министерскую кашу.

Растерянность с. д. и эс-эров-революционеров и меньшевиков, очутившихся по воле исторического хода вещей у государственного руля, их явное уклонение вправо, с темлением во чтобы то ни стало достигнуть соглашения с капиталистами, подняли рабочих и солдат.

15 (2) июля забастовали многочисленные предприятия с лозунгом: «вся власть советам».

На митингах в воинских частях были вынесены резолюции о полной поддержке рабочих.

В этот серьезный момент заседала петроградская конференция большевиков. Взвесив

все обстоятельства, конференция вместе с Центральным Комитетом партии пришла к решению, что выступление несвоевременно. Но предупредить движение не удалось.

Вечером 16 (3) июля 1 пулеметный и гренадерский полки выступили к Таврическому дворцу. Со всех концов города туда же потянулись рабочие организации и воинские части.

Когда эти события стали известны Петрограду, большевики должны были изменить свое решение. Уйти от масс в такой ответственный момент партия не могла. Большевики могли умирать с массой, но не изменять ей, как это делают социал-предатели вот уже четвертый год при всех вспышках революции в Западной Европе. И нет сомнения, что только вмешательство большевиков спасло петроградских рабочих от массовых расстрелов.

На заседании рабочей секции Петроградского Совета большевики оказались в большинстве. Меньшевики и эсеры ушли и оставшиеся депутаты приняли резолюцию о необходимости перехода власти в руки советов. Было выделено бюро, которому секция поручила действовать в контакте с Всероссийским и Петроградским Исполнительными Комитетами Советов.

В ночь на 4 июля наступил критический момент. Перед Таврическим дворцом раскинулся огромный лагерь вооруженных солдат и рабочих. Достаточно сказать, что здесь был весь Путиловский завод (т. е. около 60.000 рабочих), чтобы понять, какое море трудящихся ждало от тех, кого они считали своими представителями от Исполнительных Комитетов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов решения вопроса о власти.

И в то время, как на улице среди полных революционного энтузиазма масс шли грандиозные митинги с лозунгами: «вся власть советам», на заседании объединенных исполнительных комитетов демонстрация была объявлена контр-революционной и намечены новые шаги к составлению коалиционного правительства с предательством торгово-промышленной буржуазии.

На этот раз всякая буржуазия окончательно стала против революции, против чаяний трудящихся, против социализма. На этот раз она бесповоротно вступила в лагерь империалистической буржуазии. С этого времени трудящиеся должны были рассматривать меньшевиков и эсеров только как своих классовых врагов.

Но в этот момент, когда движение все больше и больше росло, когда революционная

стихия увеличилась отрядами матросов и пулеметчиков, отказ Исполнительных Комитетов от власти, их открытое соглашение с буржуазией расстроило движение. Не оказалось организующего центра, не стало фундамента для революции. Стихия могла сокрушить Временное Правительство, гремящее по швам, но из своей анархической массы не могла выдвинуть Комитет власти.

Буржуазия прекрасно понимала положение. Она видела хаос и постаралась его усилить обычными приемами, выработанными ее многолетней практикой власти. Провокационные выстрелы, хулиганские банды, стрельба из домов — все эти средства нашли свое место.

Наконец в тот момент, когда уже начали появляться карательные отряды из юнкеров и др. «надежных» «охранителей правопорядка», во всех уличных газетках, специальных выпусках телеграмм и афишках появился гнусный лживый документ, обвиняющий Ленина в шпионстве.

Такова тактика буржуазии. Одной рукой она поддерживает порядок посредством армии, полиции, сыщиков и жандармов, другой рукой она сеет ложь в душах трудящихся через посредство книг, газет, школ и священников. И на этот раз она себе не изменила.

Движение было подавлено. Вождь пролетариата т. Ленин должен был скрыться. Товарищи Троцкий, Луначарский, Коллонтай и многие другие попали в тюрьмы.

За три месяца контр-революция стала властью. На три месяца все деятели царизма и ценовых кругов Государственной Думы вползли из своих нор. Всех арестованных «правых» выпустили из тюрем. И уже тогда установился общий язык между Гучковым, Миллюковым и Черновым. Но никто из этих господ-политиков не предполагал, что через 4 года они будут заключать союз за пределами Советской России в Париже, когда вся Европа испытывает в грандиозных размерах «июльские» потрясения, будет приближаться к «Октябрьской» революции, а мировой пролетариат в Советской Москве на Конгрессе представителей десятков миллионов угнетенных и эксплуатируемых всех стран будет разрабатывать план решительной атаки на империалистический мир.

А 3—н.

Пред новыми боями.

За год, протекший между II и III Конгрессами Коминтерна, ряд возмущений и боевых поражений рабочего класса закончился его частичными поражениями. Поэтому классовая самоуверенность буржуазии и внешняя устойчивость ее государственных органов, несомненно, укрепились.

Руководители буржуазии обнаглели и, не страшась «призрака коммунизма», перешли в наступление против пролетариата как на экономическом, так и политическом фронтах.

Разрушение капиталистического хозяйства сказывается во всех областях, но буржуазия поддерживает его путем новых займов, регулирования важнейших цен, гарантирования прибылей и приплаты на основных продуктах, например, на хлебе. Поддерживать хозяйство на прежнюю широкую ногу буржуазия не может. Она сокращает производство, выбрасывает на улицу новые армии безработных, и остающихся рабочих заставляет довольствоваться столь ничтожной платой, что последней не хватает даже для поддержания рабочей силы.

Наступило время крушения капиталистического хозяйства. Кратковременные подъемы уже не могут обмануть рабочий класс. Рост цен на все товары, падение стоимости денег, перераспределение богатств в пользу кучки эксплуататоров, фактических правителей, в германской «социалистической» республике, во французской и американской демократиях, в итальянской и английской монархиях, убеждает пролетариат, что о мирном развитии демократии, о сотрудничестве классов не может быть речи.

Наступает эпоха обостренной классовой борьбы, разграничивающая мир на два враждебных лагеря и пролетариат становится на путь борьбы за коммунизм.

Из таких положений исходили III Конгресс Коммунистического Интернационала и I Конгресс Красных Профсоюзов в своих решениях о тактике мирового пролетариата в наступившей социальной революции.

Всякая организация может быть сильна только при внутренней сплоченности и единстве

взглядов. Поэтому Конгресс коммунистических партий одобрил применение Исполнительным Комитетом 21 условия вступления в коммунистический интернационал. Конгресс решил не допускать в интернационал колеблющиеся, не желающие открытого революционного боя за коммунизм партии, как, например, итальянских социалистов, заигрывающих с заведомыми предателями реформистами, пока они не порвут со всеми желтыми социалистами. Точно также отнесся Конгресс и к «левым» германским коммунистам. Борьба с буржуазией дело не шуточное, в борьбе нужно противопоставить стратегии буржуазии еще более гибкую стратегию пролетариата, а К. Р. П. Г. придерживается революционных фраз и бессистемного немедленного налета. Такого легковесно о отношении Интернационал Действия не может допустить в своих рядах. К. Р. П. Г. предложено слиться с испытанной объединенной Коммунистической партией Германии и безусловно подчиниться резолюциям Коминтерна.

Указав на ошибки западно-европейских коммунистических партий, конгресс с удовлетворением и гордостью остановился на деятельности Российской Коммунистической партии. Все вопросы нашей экономической и внешней политики, вопрос организации и роли Красной армии и т. д. были предметом глубокого внимания конгресса. И в своей резолюции конгресс отметил, что Р. К. П. защищает основу основ — власть рабочего класса — диктатуру пролетариата, и что задача мирового пролетариата — всемерно придти на помощь первой советской рабоче-крестьянской республике.

Как бороться дальше? Как зажечь широкие трудовые массы сознанием необходимости вступить в активную борьбу за коммунизм?

«Руководители буржуазии готовы бороться до конца. Они рассматривают создавшееся положение, как вопрос политической стратегии. Они холодным оком подстерегают каждое движение пролетариата, стремясь обессилить его в ряде отдельных кровавых поражений».

Рабочие за эти три года много боролись и понесли много жертв. Они не добились власти и стали осторожнее, чем в 1919—20 годах. Они поняли, что нужно твердое руководство, нужен расчет, нужна революционная энергия.

Конгресс Коммунистического Интернационала учел это обстоятельство. Коммунистические партии, сказал съезд, должны выставить такие требования, которые удовлетворяют неотложным запросам рабочего класса. Коммунисты должны массовой работой добиваться этих требований, независимо от того, совместимы ли они с сохранением капиталистического строя или нет. Коммунистические партии должны обратить внимание на нужду пролетариата, которую последний не может и не должен больше переносить. Если эти требования будут соответствовать насущным потребностям широких пролетарских масс, если массы проникнутся сознанием, что они не могут существовать без осуществления этих требований, то борьба за них станет исходным пунктом борьбы за власть.

Огромное число профессионально организованных рабочих до сих пор находится под влиянием интернационала и Амстердама.

Конгресс указал, с одной стороны, необходимость образования в массовых организациях

авангардов (комячеек) для организованного перехода в Интернационал Красных профсоюзов, с другой — превращение огромной армии безработных в революционную армию коммунистического пролетариата.

Буржуазия в З. Европе организует отряды штрейкбрехеров и карательные террористические отряды против рабочих. Конгресс поставил перед всеми коммунистическими организациями задачу противопоставления буржуазной элите молодежи рабочих боевых отрядов, хорошей разведки и службы связи; наблюдение над всеми военными органами, штабами и складами оружия врагов.

Еще много других решений было принято международными съездами, но все они сводятся к тому, что мировая политическая задача Коминтерна — сомкнутом строем вести пролетариат на непрерывную борьбу, пока фронт буржуазии не будет прерван.

Коммунистические партии и руководимые ими профессиональные союзы солидарно начнут бой.

Победы грядут. Будем все работать по подготовке и организации победы. Красной армии предстоит еще ряд тяжелых, но славных боев, когда мировой пролетариат накопит силы для решительной контр-атаки на буржуазию.

Д. Зонин.

Винтовка.

Иль не цел твой свинец напевный
Разрывая туманную даль?!
Полюбил твою душу я гневную
И холодную, ясную сталь.
Когда враг, обезумев, в отчаяньи
Метил в красное сердце в упор,
То гремел верой огненной спаянной
Твой в боях почерненный затвор.
Через хляби тумана упавшего
Нес свинец красноезвездный свет:

Красной армии войны павшие
Выполняли суровый обет.
И над трупами в холоде лютом,
Там, где небо, равнина и ель
Надрываясь пела салюты
Ты, стальная свирель!
Полюбил твою душу я гневную
И холодную ясную сталь...
Пой же звонче, свинец напевный,
Разрывая на клочья даль.

М. Барсунов.

Как бойцам бить голод.

Красноармейцы! Герои гражданской войны. Нам с вами приходится выносить на своих плечах еще одну беду, еще одно несчастье — жестокий голод Поволжья, Оренбургских степей и Киргизской Респ. блики. Десятки миллионов жителей в этих голодных местах обречены на медленное вымирание; крестьянские хозяйства обречены на развал, а хлебородные некогда равнины — на мертвое запустение.

Вместе с голодом шествуют вечные его спутницы — холера, тиф, цинга; заболеваемость и смертность среди голодающих необыкновенно высокая. Население голодных губерний уже давно питается только травой, жолудями, липовыми листьями и разными кореньями, от которых внутри организма заводятся черви и человек умирает в страшных мучениях. Картины, поистине, тяжелые и мрачные. Но не нам с вами опускать бессильно руки перед этим чудовищным бедствием. Бывали времена и тяжелее — вспомнить хотя бы те месяцы, когда Республику стиснули с разных сторон Юденич, Колчак и Деникин; когда было так же голодно, как и ныне, когда на фронтах гибли тысячи и тысячи красноармейцев; когда под угрозой белогвардейского разгрома находилась вся наша Советская страна.

Трудовым подъемом, стальной решимостью, невиданной энергией — мы сокрушили те страшные беды. Сокрушим и эту, если возьмемся дружно за помощь — из конца в конец трудовой России, из части в часть Великой Красной армии. Пусть подумает каждый боец, рабочий и крестьянин, — крепко подумает над тем, что можно сделать для голодающих братьев, чем можно им помочь.

Мы здесь даем тебе первые советы, красноармеец, — советы о том, что надо делать в

борьбе с голодом — остальное додумай сам, посмотри, что можно, что следует сделать еще.

Прежде всего помогай советским органам собирать продовольственный налог. Если соберем во-время и полностью — опасность от голода будет значительно ослаблена.

Помогай своим непосредственным участием в сборе, помогай своим разумным словом — разъясняй крестьянам, как важно именно во-время сдать налог и какой от этого получится результат. Знай, что крестьянин всегда слушает тебя внимательно и слово твое для него весьма ценно и внушительно.

Затем помогай крестьянину запахать озимые поля. Не забывай, что чем меньше будет у нас засеяно с осени этого года, тем голоднее и тяжелее будет нам в следующих годах.

Да и не только в засеве — помогай крестьянину в его хозяйстве вообще, на кузнице, транспортом — помогай во всем, что не вредно отзывается на строительстве самой Красной армии.

Кроме этого принимай деятельное участие на сельских сходах и убеждай крестьян делать добровольные сборы, особенно зерном и продуктами питания.

Такие же сборы и отчисления, поскольку возможно, надо проводить и у себя в частях. Не надо смущаться тем, что сбор может быть получится очень мал — теперь все дорого: каждый фунт, каждый рубль, каждый аршин.

Когда будешь писать на родину, к себе в деревню или село — непременно коснись всех этих вопросов и разъясни своим родным, землякам и товарищам, что и как делает Красная армия в борьбе с голодом и что для этого должна делать деревня. Твоему слову в деревне верят крепко и скорее, чем агитации какого-нибудь кулака, который старается голод

раздуть, усилить, нажиться на нем и притом же подпакостить сколько можно Советской власти Красный боец! Ты много вынес страданий на фронтах нашей героической обороны. Ты привык смотреть прямо в лицо жалкой смерти.

Но в эти минувшие три года борьбы проявилось не только твое терпение, не только величие героизма, но еще и высокая твоя сознательность.

Ты всегда знал и понимал не только что надо делать, но еще и то, почему это надо делать. Теперь, поняв, что для спасения Советской России—надо побороть неслыханный голод—сомкнись, организуйся, дружнее напри на врага. Он подается и сгибнет так же, как сгибли все вооруженные враги её от твоих настойчивых решительных и дружных атак.

Дм. Фурманов.

ТРУДЯЩИЙСЯ ПОМНИ! ТЯЖЕЛОЕ БИДСТВО ПОСЕТИЛО СТРАНУ! КРЕПЧЕ СОМКНИ РЯДЫ! ПОБЕДИ ГОЛОД ЕДИНЕНИЕМ

Голод.

Костлявый, с взорами безумными,
В лохмотьях марев знойных и сухих
Околицами сел и деревень глухих
Шатается за пряслами и гумнами.

И гулок шаг костыльный по земле
Над нивами сожженными и травами,
Над городами с пыльными заставами,
Маячащими в дымной полумгле.

С ним гости: Тиф, Холера и Чума,
Оскалив рты, губами посинелыми
Впиваются за ставнями омшелыми
В изжеванные временем дома

Так шествует в урочные года
Костлявый, над Поволжескими поемами.
Смеется Смерть над хрипами и стопами
И яд разносят ветер и вода.

К. Хохлов.

ДАДУЖА

От зноя реки высохли,
Струится гарь вдали,
Как у бесплодной женщины
Спеклася грудь земли.

Калякает с мирянами
Отец Нафанаил:
«В виду: за беззакония
Господь нас посетил.

Ведь нуко-ся!—рабочую
Установили власти,
К священству нет почтеня,—
Ну как в напасть не впасть?

Прогневалась владычица,
Прогневалась мать,
Не иначе, как надобно
Икону подымать».

Мать божья—троеручица
 Явленою слыла;
 Далеко по обаполи
 О ней молва плыла:
 Заступница усердная
 Спасает от червей,
 От падежа, от засухи,
 Лишь умолить сумей
 А люди деревенские
 Догадливый навод:

Сухая ложка, ведомо,
 И богу рот дерет
 Галдят седобороды,
 Погнулась молодежь:
 «А что ж, друзья, помолимся,—
 Авось и будет дождь».

И вот несут явленную.
 Священство наперед,—
 По-старому, бывалому
 Сияет на народ

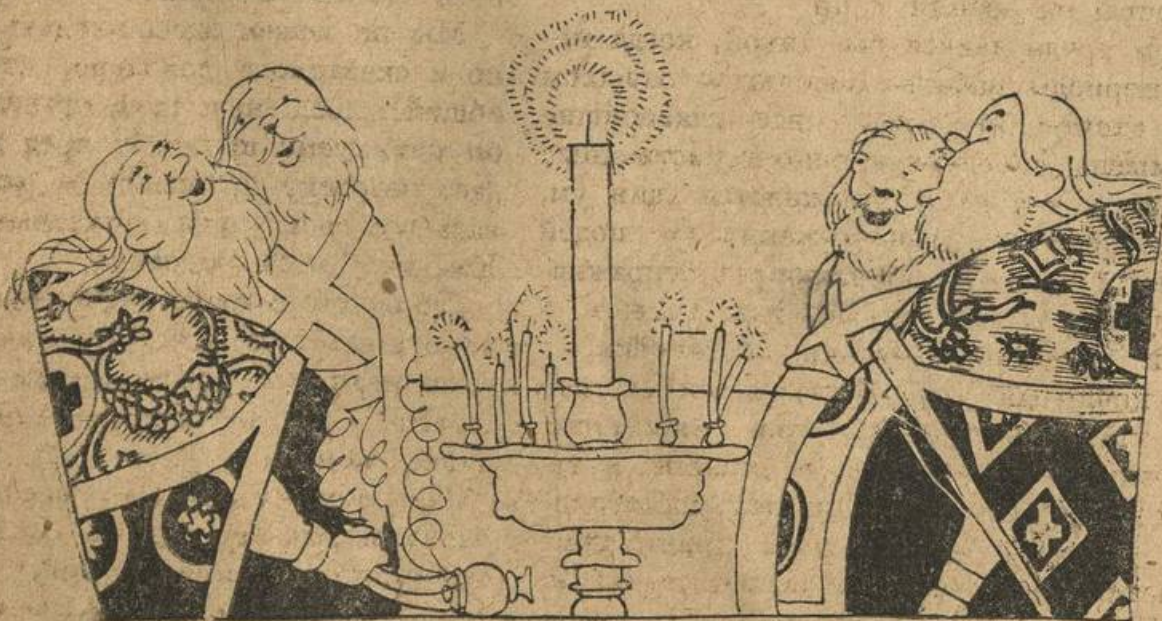

Навстречу богородице
 Из каждого села
 Несут, несут даяния,
 Гудят колокола
 Что колокол-то бухает:
 «Давай миллион!»
 «Давай миллион!»
 И глушит пенье клирное
 Церковный этот звон
 Несут полями чахлыми,
 Селеньями несут,
 Пред нею в пыль дорожную
 Ничком ложится люд
 Счастлив, кому под матушкой
 Удастся проползти
 Что муравьями черными
 Кишат окрест пути..

Эх, надо б тут не божию,—
 Иную благодать:
 Одно лишь только звание
 Ее нам может дать

Эх, надо бы по-новому
 Возделывать поля,
 Не чахла б от бездождия
 Кормилна земля...

А колокол все бухает:
«Давай миллион!
Давай миллион!»
И сладок златоризника
Малиновый тот звон.

С. Басов-Верхоянцев.

Здоровый труд и красный спорт.

Владыкой мира будет труд».

Этот прекрасный лозунг проникает всю нашу эпоху. Но «владыкой будет не терпешный труд, подневольный, каторжный, некрасивый, уродливо обставленный, вредный для здоровья, а труд свободный, радостный и окруженный всем, что укрепляет тело и возвышает дух».

Все орудия труда — приборы, машины, мастерские, фабрики и пр., мы получили в наследство от мира капитализма, который, естественно, не заботился о здоровой и красивой обстановке труда, а искал только как можно больших выгод, выжимал соки из рабочего. Поэтому всякий труд — даже сельскохозяйственный, протекающий на чистом воздухе, связан с неизбежным вредом для здоровья.

Вред этот зависит от трех причин. Или труд бывает слишком продолжителен, или он слишком однообразен, или, наконец, он происходит во вредных для здоровья условиях. Через чур продолжительный труд слишком напрягает мышцы рабочего, и они быстро изнашиваются; однообразный труд упражняет только одни группы мышц, а другие группы оставляет без упражнения, слабыми, и, наконец, когда труд происходит во вредной обстановке, то это дурно отзывается на легких больного, на его сердечной деятельности, на зрении и пр.

Идеалом труда явился бы такой, когда небольшие периоды работы сменяются отдыхом и когда заняты не только все главнейшие группы мышц, но одновременно и умственные силы. А то у нас либо упражняется один ум, а тело остается в пренебрежении (у людей умственного труда), либо, наоборот, упражняются мускулы, а умственные силы тупеют.

Против вредного действия обстановки, в которой происходит труд, борются посредством охраны труда, которая, в лице инспекции, следит, чтобы на фабрике (в казарме, в мастерской и пр.) был чистый воздух, достаточно света и т. д., а также чтобы принимались меры против несчастных случаев и увечий на работе. Целиком достичь успеха в наше время еще невозможно: люди придумают новые машины, новые тип фабричных и заводских помещений, которые были бы приспособлены к благу и здоровью трудящихся. Пока мы пользуемся предметами капиталистического мира, обстановка труда всегда будет приносить им известный вред.

Труд настолько тесно связан с большим или меньшим вредом для здоровья, что занятие той или иной работой всегда влияет на продолжительность жизни и на заболеваемость. Чем тяжелее характер труда, тем короче жизнь трудящегося и тем больше и чаще он болеет. Так, например, литейщики, работающие в жаре и вообще в тяжелых условиях, доживают в среднем до 41—42 лет, плотники и столяры до 47—50 а, например, бухгалтеры или нотариусы, работа которых благоприятна для здоровья, доживают в среднем до 53 лет и выше. Всего долговечнее духовенство, — попы живут в среднем до 60 лет.

Существуют даже специальные болезни, свойственные той или другой профессии. Так, у наборщиков, с юных лет вдыхающих свинцовую пыль, страшно часто развивается туберкулез, у прачек — ревматизм, у ювелиров и часовых мастеров, которым приходится близко присматриваться к работе, развивается сильная близорукость, у портных и сапожников часты заболевания легких и малокровие. Даже на внешнем виде и на костях сказывается профессия, какой занимается человек; так, у сапожника, которому приходится прикладывать колодку к груди, образуется с течением времени заметное углубление в грудной кости, у портных от сидения со скрещенными ногами ноги становятся кривыми и пр.

Мы не можем здесь входить в подробности, но и сказанного довольно, чтобы установить общий вывод: наш труд организован так, что он неминуемо приносит вред для здоровья, не дает человеку правильно и равномерно развивать все свои силы — телесные и умственные. Как же с этим бороться?

Об одной стороне этой борьбы, именно за коно ательстве насчет охраны труда, мы уже упоминали. Но рядом с этим не должна быть забыта и другая важная сторона, именно занятие спортом.

На спорт у нас, в России, а отчасти на Западе всегда неправильно смотрели. Считалось, что спортом заниматься могут только праздные богатые люди, для развлечения, бедному же, трудящемуся человеку со спортом делать нечего. Так смотрели не одни богачи, которые всячески оберегали спорт от участия трудящихся, но и сами трудящиеся: баловство, — вот как думали о спорте массы.

Была и другая грубая ошибка во взгляде масса на спорт. Считалось, а в значительной

степени считается и сейчас, будто спорт может интересовать только детей и подростков, взрослым же или пожилым людям заниматься им как-то «не к лицу». А тем более считалось это неподходящим делом для женщины.

Между тем, в Германии, например, или в Америке уже давно поняли, что спорт — вещь высоко полезная для всех возрастов. Там не редкость видеть пожилого рабочего или работницу, которые после работы направляются в свой спортивный клуб поплавать или поиграть в футбол. И никто не видит в этом баловства или легкомыслия.

Революция вырвала спорт из рук праздной буржуазии, занимавшейся этим от нечего делать, и передала его целиком народу. Теперь у нас существуют сотни кружков и клубов, где спорт вполне доступен всем трудящимся и, в частности, красноармейцам. К услугам красноармейца, который пожелает во-первых в радостный мир спорта, — и приборы для занятий, и совет руководителя, и бесплатное участие в спортивных играх.

Польза спорта не только очень велика, но и очень разнообразна. Главная ценность его заключается в том, что он исправляет недочеты и вредные стороны всякого труда: при занятии спортом упражняются равномерно все мышцы и, кроме того, дается пища и для соображения, приводятся в действие различные чувства человеческие. Да еще, занятие спортом дает большую и чистую радость, отвлекает от дурных и низких мыслей, укрепляет волю и характер. Спортсмена вы узнаете с первого взгляда: у него бодрый вид, смелая походка, красивые и изящные движения; спортсмен не теряется во всяких случаях жизни, он всегда умеет найти, во всем найдет выход.

Впрочем, нет даже нужды особенно расширять хорошие стороны спорта, — они говорят сами за себя. Стоит только человеку попробовать спорта — и его самого потянет продолжать. Спорт сильно напоминает игру, а кого же приходится приохотить к играм? Их мы любим бессознательно с самых ранних лет.

Занятия спортом крайне разнообразны. Тут все, начиная от гимнастики и вольных движений и кончая самыми различными состязаниями на премии и без них. Ряд занятий относится только к лету, каковы гребля, дальние экскурсии, речное и морское плавание. Зимой — лыжи, коньки, катанье с гор. На спортивных площадках устраиваются разные спортивные игры с приборами: лаун-теннис, хоккей, футбол и др. Особенное место занимают упражнения по легкой и тяжелой атлетике, в том числе борьба и фехтование, которые так любят смотреть красноармейцы.

Упражнение с гириями и гантелями, бег, ходьба, прыжки, метание диска — вот некоторые из видов спорта, которые более распространены. В спорт-клубах и при советах физической культуры в разных местах республики уже организованы пункты, где занимаются спортом кто хочет: мужчины и женщины, дети и взрослые. Всякий найдет там готовность помочь ему на первых порах, найдет указания и совет.

Очень важно, чтобы красноармейцы широко прониклись идеей спорта: их образ жизни на военной службе так же далеко нездоровый, и занятие спортом поможет им и сохранить цветущие силы молодости, и развить эти силы равномерно и укрепить свою бодрость и энергию. Особенно важно заинтересовать спортом трудящихся. Образ жизни красноармейца ничем, в сущности, не отличается от образа жизни вообще рабочего, и тут спорт окажет ему ценнейшие услуги.

А через красноармейцев интерес к спорту разольется широко в массах трудящихся, привлечется всякому рабочему и крестьянину, всякой трудящейся женщине.

Спорт должен войти в обиход каждой трудовой семьи, в любви к нему надо воспитать все наше молодое поколение, и тогда нам не страшны будут и разруха, и голод, и все другие невзгоды нашей переходной поры: все сумеет одолеть крепкий, закаленный, никогда не падающий духом человек.

Впрочем тут надо сделать одну оговорку: бывает, что спорт приносит не пользу, а даже

явный вред. Это тогда, если им занимаются неумеренно и без надлежащего руководства. Мне случалось, например, своими лекциями приохотить красноармейцев пойти на спортивную площадку, но там они увлеклись погоней за неравенством и сразу хватались за тяжелые гири или гантели. У красноармейца лицо налилось кровью, глаза на лоб лезут, а он непременно хочет «выжать» больший вес, чем его товарищ. В результате он, случается

надорвется или с ним другое что случится, и через несколько дней, глядишь, он уже ко мне на прием идет, болен.

Спортом надо заниматься осторожно, переходя постепенно от легкого к трудному и, по крайней мере, на первое время непременно под наблюдением инструктора а еще лучше—врача.

Идите же в мир красного спорта—в нем источник обогащения ваших сил и чистых радостей!

Врач Л. В.

Трудовые герои.

Эх, ты, дочка, угомонь
Молодых героев!
Под разбитую гармонию
Ноги землю роют.

Дружно вышли до зари
Нонче на работу.
Кто осилит, говори
Трудовую роту.

Эх, ты, дочка, угомонь
Молодых героев!
Под разбитую гармонию
Ноги землю роют.

Разрывали целый день
На ложбине кочи.
Уронили на земь тень
Крылья черной ночи.

Не пора ли труд сменить
На лихую пляску?
Ну, вплетай другую нить
В заревую сказку.

Дмитрий Белов

Беседы о природе.

Границы вселенной.

После заката Солнца, едва только станет меркнуть заря, на небе начинают появляться звезды. Они, конечно, и раньше (днем) находились на своих местах, но не были видимы при солнечном освещении. Число звезд быстро растет; в ясную ночь их можно насчитать несколько тысяч. Дивное чувство овладевает вами при виде этих огней: какая красота!

А случалось ли вам задумываться над тем, что это за светила и далеко ли они от нас?

В глубокую старину необразованные темные люди объясняли и открывающийся перед их глазами мир по-своему. Для них Земля была огромным плоским кругом, установленным неподвижно. Над ней высоким куполом поднималось небо, по которому ходили светила, представлявшие в воображении древних людей живыми существами. Там, где, казалось, небесный свод опирался краями на Землю, и был «край света», предел вселенной. На небесах полагали местопребывание бога. Современем, когда человек просветил свой разум знанием, изменился и взгляд на природу.

Теперь всем известно, что Земля—шар. Он покрыт твердой оболочкой—«земной корой», а внутренность его наполнена огненно-жидкой массой, пробивающейся иногда наружу в виде извержений вулканов (огнедышащих гор). Небо над нашей головой—это слой воздуха (атмосфера) в несколько верст толщиной, а за ним бездонное, безвоздушное пространство, обнимающее со всех сторон земной шар. Если бы вокруг Земли не было атмосферы, которая отражает солнечные лучи, то не было бы зари и сумерек, ночь наступала бы сразу. Земля никогда не бывает в покое: она, подобно волчку, вращается вокруг самой себя, с запада на восток, делая полный оборот в сутки,— вот почему мы и видим движение всех звезд, Солнца и Луны с востока на запад. Вертясь вокруг своей оси, Земля в то же время движется и кругом Солнца, совершая этот обход в течение года. По своему строению, или материалу, Земля не одинока в пространстве. Луна и не мало других светил, сияющих среди бриллиантовых звездных огней ровным матовым светом, на самом деле не звезды; они такие же темные тела, как и наша Земля, а

становятся нам видимы в черной небесной бездне только потому, что озарены Солнцем. Называются они, как и наша Земля, *планетами*. Всех планет 8, не считая Луны и нескольких сотен мелких. Все они вращаются вокруг Солнца и вместе с ним составляют то, что астрономы (люди, изучающие движение небесных светил) называют *солнечной* или *планетной системой*.

Солнце, дающее нам свет и жизнь, представляется с Земли в виде ослепительно сияющего круга, величиною с чайное блюдце. В действительности же размеры его громадны, а кажется оно маленьким потому, что слишком далеко от нас. Вычислено, что по объему Солнце почти в полтора миллиона раз больше Земли, поперечник которой равняется 6.000 верст. Это гигантское светило находится в 140 миллионах верст от нашей планеты. Если вообразить себе железную дорогу, проведенную от Земли к Солнцу, то поезд, делая по 50 верст в час, должен был бы без остановок мчаться туда 340 лет! Солнце—огненно-жидкий шар; облаками ему служат не водяные пары, как у нас на Земле, а пары металлов: тут и железо, и медь, и цинк, и никкель. Пары эти также накалены, и их ослепительно ярким светом озарены все планеты, вращающиеся вокруг Солнца.

Из всех небесных светил ближе всего к нам и лучше других изучена *Луна*, спутник Земли: она вращается вокруг Земли, совершая полный оборот в 27 слишком суток, и вместе с ней движется вокруг Солнца. По объему Луна в 50 раз меньше нашей планеты и находится от нас на расстоянии 360.000 верст. Простым глазом можно видеть на Луне темные пятна, которые в телескоп (сильную зрительную трубу) оказываются долинами, окруженными горами. Наблюдения над Луной заставляют предполагать, что на ней нет ни воды, ни воздуха; она—тело мертвое, на котором никакая жизнь невозможна.

Самая малая, значительно меньше Земли, и самая близкая к Солнцу планета—*Меркурий* (в расстоянии 53 миллионов верст), а от нас до ней 75 миллионов верст. Меркурий делает свой оборот около Солнца только в 88 дней.

Стало быть, год на этой планете в четыре слишком раза короче нашего. Следующая планета—яркая *Венера*, которую мы называем то вечерней, то утренней звездой, смотря по тому, когда ее видим; размеры ее почти одинаковы с Землей. От Солнца она отстоит на 102 миллиона верст, а от нас до ней курьерскому поезду надо было бы мчаться 70 слишком лет. Красноватая планета *Марс* почти в 7 раз меньше Земли; от Солнца он находится в 202 миллионах верст, и полный оборот вокруг него совершает в 687 суток. Затем следует наибольшая по объему планета—*Юпитер*, в 1300 раз больше Земли; отстоит от Солнца на 722 миллиона верст; свой оборот вокруг него совершает в течение наших 12 лет. Еще дальше в необъятном просторе небес кружит *Сатурн*, окаймленный 2 кольцами, ясно видимыми в телескоп. Объем этой планеты в 860 раз больше Земли. Свой оборот вокруг Солнца Сатурн совершает в течение наших 29½ лет. Самые крайние члены нашей планетной системы, невидимые простым глазом,—*Уран* и *Нептун*. Последний находится от Солнца на расстоянии в 30 раз большем, чем Земля, и для своего полного обращения вокруг Солнца употребляет почти 165 лет. У больших планет, за исключением Меркурия и Венеры, есть свои спутники—луны; у Юпитера их даже 8, у Сатурна 9, но луны эти можно видеть только в телескоп.

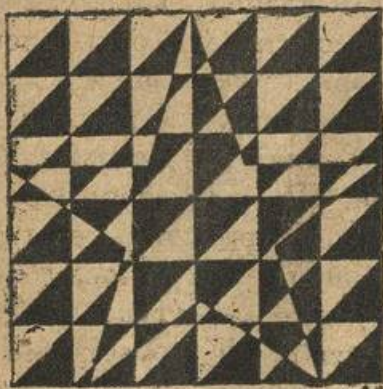
Одни из планет находятся в расплавленном еще состоянии (Юпитер, Сатурн), другие по своему строению сходны с нашей Землей (Меркурий, Марс, Венера). Возможно, что на них создались уже условия, способствующие возникновению жизни.

В бесконечном пространстве, кроме планет больших и малых, вокруг Солнца носится еще по определенным же путям великое множество мельчайших косметических тел, т.-е. затвердевших частиц первоначального вещества (материи), из которого образовалось все сущее. Порой они следуют по небу роem, в виде гигантского хвостатого светила, наполняя ужасом сердца суеверных людей. (Комета). А чаще всего эти маленькие тельца приближаются к нашей планете в одиночку. Вы видите, как по небу пролетает звездочка. Не беспокойтесь, ни одна звезда не упала, все они целы и по-прежнему сияют на своем месте. Это залетело в нашу атмосферу маленькое космическое

тельце. Вследствие сопротивления воздуха оно накаливается и обыкновенно сгорает еще на большой высоте; только в редких случаях такие тельца достигают Земли (аэролиты, метеориты). И тут мы видим, что эти прилетевшие к нам из других миров частицы состоят из тех же материалов, что находятся и в нашей Земле: железо; медь, камень и проч.

Таким образом подтверждается мнение ученых, что некогда, миллионы миллионов лет тому назад, все планеты вместе с Солнцем составляли одно целое: раскаленную, первоначально газообразную массу, в стремительном кружении носившуюся в пространстве. Только впоследствии, постепенно сгущаясь, выделилось из ней Солнце, а от него планеты, которые и помчались вокруг главного светила, повинаясь закону притяжения тел друг к другу (всемирное тяготение). Так огненное колесо (в фейерверке), вертясь вокруг своей оси, выбрасывает искры, которые, вместо того, чтобы отлетать прямо в сторону, продолжают двигаться в направлении движения колеса.

При внимательном обозрении неба, вы легко заметите в расположении звезд строгий порядок: они распределены по небу фигурами, или созвездиями. Созвездие большой Медведицы особенно бросается в глаза; семь главных звезд его образуют фигуру большого ковшика. Древние наблюдатели небесного свода дали каждому созвездию название по воображаемому сходству с каким-либо земным предметом: созвездие Пса, Большой и Малой Медведиц и т. п. Звезды в созвездиях постоянно сохраняют в отношении друг друга одно и то же положение и потому называются неподвижными. Изучение лучей, посылаемых на Землю постоянными звездами, показало, что звезды эти такие же солнца, как и наше, только удалены от нас на бесконечно далекие расстояния. Наши обыкновенные меры непригодны для определения подобных расстояний; астрономы избрали для того иное мерило, так называемый «световой год». Под этими словами разумеется то расстояние, которое свет пробегает в течение года. А насколько оно велико, можно судить по тому, что свет делает в 1 секунду 280.000 верст. Отделяющие нас от Солнца 140 миллионов верст он проходит в 8¼ минут. От ближайшей к нам звезды, находящейся в созвездии Центавра, свет идет

слишком 4 года, от Полярной звезды около 22 лет, от Арктура без малого 136 лет. Но и это еще слишком малые величины для определения тех расстояний, какие отделяют нас от наиболее отдаленных звезд. Глядя на какую-нибудь слабую далекую звездочку, мы, быть может, видим не ее самое, давно уже погасшую, а видим только тот луч света, который отделился от нее, когда еще ни нас, ни наших прадедов да и всего рода человеческого не было на свете.

В безоблачную ночь ясно выделяется огромная белесоватая полоса, пересекающая над нашей головой небо. Это так называемый *Млечный путь*. В телескоп он представляет собою скопление бесчисленного количества весьма далеких и весьма крупных звезд—солнц. К нему принадлежат и многие ясно видимые нами звезды и наше Солнце со всеми своими планетами. Млечный Путь—наша вселенная. Но таких «вселенных» великое множество.

Внимательно всматриваясь, мы заметим и в других частях ночного неба белесоватые

пятна. При наблюдении в телескоп они оказываются тоже состоящими из огромного множества отдельных, ясно различаемых звезд. Эти пятна называются *звездными кучами*.

Но и звездные кучи не составляют еще пределов видимого мира.

В телескопе замечаются на ночном небе такие же белесоватые пятна, какие мы видим невооруженным глазом. При исследовании оказалось, что пятна эти—огромные туманности, состоящие из накаливаемого газа. Очевидно, это первая ступень зарождающихся миров, это—скопление первоначального вещества, из которого должны возникнуть новые солнца, новые планеты.

Народившись, солнечные миры не только живут полной жизнью, но и идут от юности к старости, остывают, наконец разрушаются, быть-может, превращаясь в туманность, но и возникают снова. Словом, нет конца мира и нет начала. Идет вечный непрерывный круговорот изменений.

С. о.

Отзывы о книгах.

Спутник красноармейца.

(Изд. Политуправления Р. В. С. Р.)

Этот сборник весьма нужного красноармейцу материала издан был еще в 1920 году в количестве 250.000 экземпляров. Однако же на руках у красноармейца вы встретите его чрезвычайно редко. Это объясняется с одной стороны невозможностью удовлетворить всех, а с другой—недостатками нашего экспедирования. Посвящая сборник «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной армии», редакция еще в то время обращалась к товарищам красноармейцам и просила «писать ей, какие недостатки они нашли в книге, какие статьи, по их мнению, следовало бы еще поместить, какие написаны недостаточно понятно и т. д.». Красноармейских ответов и советов поступает мало; а они нужны для издания нового сборника—более полного и соответствующего мо-

менту. Касаясь здесь вкратце содержания сборника—мы вновь настойчиво обращаемся к т. т. красноармейцам и ждем их советов в адрес журнала «Красноармеец».

Теперь по существу сборника. Он включает в себя, как мы уже сказали, не мало крайне нужного и ценного для красноармейца материала.

Красноармейцу, как воину, особенно нужен 5-й, «Военный отдел», где специально разобраны и понятно изложены все важнейшие вопросы военной службы. К этому отделу примыкает тесно и следующий «Учебный Отдел», где разбираются вопросы всеобщего военного обучения, обучения военному искусству, курсов комсостава и т. д.

Красноармейцу, как гражданину, поможет во всем разобраться 4-й отдел, под именем «Красноармейского». В этом отделе разбираются вопросы жизни не только самого красно-

армейца, но и его семьи, заботы Советского правительства об этих семьях, помощь им — словом все то, что так тревожит красного воина на фронте.

В «Политическом Отделе» (II) красноармеец найдет себе все ответы на мучающие его вопросы о борьбе классов, о гражданской войне, о победе пролетариата, о славных борцах за идеи коммунизма, о великой коммунистической партии, так победоносно руководящей этой борьбой. Этот отдел дополняется 7-м отделом «культурно-просветительным», где указываются красноармейцу пути, которыми из тьмы невежества можно прийти к источникам света и знания.

Большим подспорьем в обыденной жизни являются красному бойцу первый и последний отделы — календарный и справочный, без них «спутник» был бы неполным. Подтверждая лишний раз полезность этого сборника — мы отлично понимаем, что без помощи от самих красноармейцев трудно будет в нем устранить те дефекты, которые бесспорно в нем имеются.

Д. Ф-в.

Спутник красного командира.

(Изд. Литиздата Пур'а).

Красному командиру этот «спутник» так же необходим, как красноармейцу необходим

«Спутник Красноармейца», трактующий все важнейшие для него теоретические и практические вопросы. Спутник краскома — сборник чисто практический; в нем, в отличие от «Спутника Красноармейца», вопросам политическим отведено второе место, в то время как в первом сборнике они занимают почти добрую половину.

Это и понятно: красный командир в своем развитии стоит значительно выше рядового красноармейца и политические сведения или уже имеет, или легко может получить их из другого источника, помимо «Спутника».

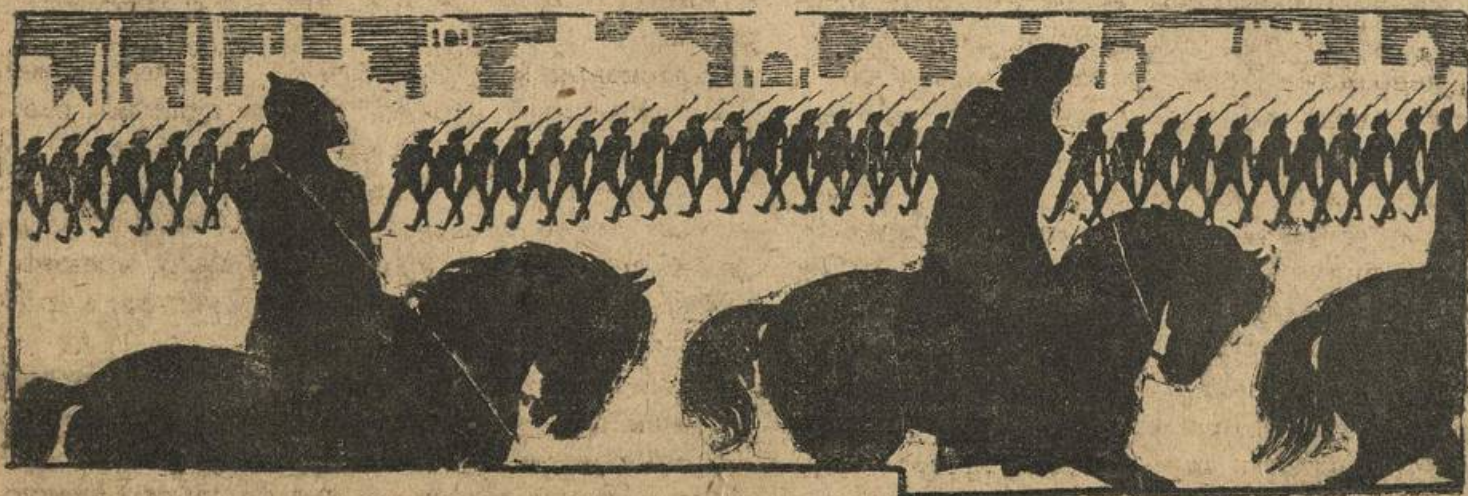
Но все же в конце сборника ряд статей посвящен вопросам чисто политическим:

1) Гражданская война в России; 2) Статистические сведения о Р. С. Ф. С. Р.; 3) Программа Р. К. П.

Эти статьи как раз отвечают тому высокому назначению, которое дается красному командиру в положениях передовой статьи сборника:

«Рабоче-крестьянский командир должен быть не только военным начальником, но и народным учителем...» (стр. 8), или ниже:

«Успех войны зависит на две трети от моральных сил армии, и в силу этого красный командир должен заботиться о том, чтобы каждый воин революции представлял собою моральную силу в борьбе против врага. В силу

этого красный командир должен быть не только военным начальником, но и политическим руководителем борющихся масс» (стр. 9).

Требую от красного командира такого интеллектуального и политического и общего развития — «Спутник» требует от него массу специальных знаний и посвящает разбору этих вопросов почти все свои страницы. Начиная с самого верха военного организма (Р. В. С. Р.) — «Спутник» доводит нас до низшей организационной ячейки — мелкой воинской части и отдельного красноармейца. В свое поле зрения он захватывает все вопросы военного искус-

ства, вопросы стратегии и тактики, все виды оружия, все особенности и отличия гражданской войны. Составленный большими знатоками военного дела как представителями теоретической мысли, так и командирами-практиками; охвативший все нужные вопросы с достаточной широтой; изложенный простым и доступным языком — «Спутник Красного Командира» на наш взгляд представляет огромный интерес не только для краскомов, даже не только для представителей Красной армии вообще, но и для каждого гражданина Советской России.

Най.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Тов. И. Скоринко. Ваше письмо получено и принято к сведению. Рукопись при оказии вернем. Пишите.

Тов. Г. Хиржиеву. При случае напечатаем.

Тов. Алтухову (с. Орловка, Ставропольск. губ.). Тема о Врангеле устарела. Пьеса не пойдет.

Курсанту А. Трифонову (Екатеринослав).

И нет теперь такого гнета,
Везде кипит Советская работа,
Рабочие стоят у станка
И за винтовку крепко держится
красноармейская рука.

Это совершенно верная мысль, только выражена она у Вас не в красивой форме. Искусство писать хорошие стихи дается не сразу; необходимо предварительно много работать: учиться, читать хороших поэтов, — тогда вам и самому будет ясна разница между хорошими, красивыми стихами и необработанными, как приведенные выше.

Кр-цу Шитикову.

Вперед под знаменем труда;
Вперед под знаменем науки,
И пусть узнают господа
Твои мозолистые руки.

— Эти стихи — подражание поэту Плещееву.

„Смелей! дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет“.

Подражать хорошим поэтам можно, но только при условии, что подражание будет не хуже всего образца. У вас же стихи плохо обработаны, мысль не совсем ясна. Читайте, учитесь, работайте.

Кр-цу Лобову. И вам, товарищ, надо еще много работать над своим стихом.

Кр-цам Ветошникову, Душину, Ганину. Присланный материал не подходит для „Красноармейца“.

Тов. Козлову. Книжки распределяет Военное Бюро Центропечати.

